

Круглов Александр Васильевич

Жизнь

Рассказы для детей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Васильевич К.**
Жизнь: Рассказы для детей / Круглов Александр Васильевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 68 с.

ISBN 978-5-519-91264-8

А.В. Круглов, с рисунками П. Яковлева

ISBN 978-5-519-91264-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КНИГОНОША.

1881.

КНИГОНОША.

I.

Ть дѣтства люблю я
лѣсъ. Люблю наблюдать,
какъ солнечный лучъ роб-
ко, словно украдкой, про-
бивается сквозь чашу темной
зелени и пробѣгаетъ свѣт-
лыми полосками по ровнымъ
стволамъ красныхъ сосенъ.
Люблю и тишину этого сон-
ма лѣсныхъ великановъ,
какъ бы погруженныхъ въ
сладкую дремоту. Ни зву-
ка, ни шелеста: гробовая
тишина. Но вотъ отвалился
сукъ отъ стараго дерева и, задѣвая
о сосѣднія вѣтви, шурша, падаетъ
на землю. Вотъ раздался крикъ фи-
лина... Гдѣ-то невдалекѣ стукнулъ
раза два дятель, долбящій дерево... Какая-то
птичка звонко чирикнула... И опять тишь, и опять
могильное безмолвіе.

Вдали отъ родного уголка, въ стѣнахъ большихъ городовъ, я улетаю всегда мечтою въ лѣсную глушь... И вспоминалось знакомое, дорогое.

Вотъ лугъ, мягкій зеленый коверъ котораго украшенъ фіалкою, ландышемъ и незабудкой. А за лугомъ и лѣсъ... Верескъ, березнякъ, калина, береза плакучая, осина и лоза сплошной стѣною.

А вотъ и рѣчка, и высокіе стройные тополи, склоняющіе свои вершины въ воды рѣчки... Какъ я любилъ подолгу сидѣть въ челнокѣ, подѣ тѣнью тополя, вслушиваясь въ кукованье кукушки, въ стонъ кулика и въ трескотню иволги!

Идешь лѣсомъ; то тамъ, то здѣсь—кусты малины и смородины. Въ зеленой травѣ краснѣетъ земляника и поляника. Наклоняешься, рвешь ягоды и вдыхаешь ихъ тонкій, душистый ароматъ, что разлить въ воздухѣ.

Бѣлая бабочка вьется межъ кустовъ; жуки ползутъ по стеблямъ ромашки. Выйдешь, бывало, чуть забрежжетъ утро, и слушаешь нѣжную пѣсню малиновки, которая какъ бы оповѣщаетъ людей, что царству ночи конецъ, что опять настаетъ свѣтлый день.

Хорошо и привольно!..

Уставшій и больной, вырвавшись изъ городскихъ стѣнъ, я еще съ большею отрадою встрѣчаю родной сѣверъ, его суровыя дебри. Опять брожу по знакомымъ мѣстамъ и вижу, что все-таки и они измѣнились за многіе годы, точно такъ же, какъ измѣнился и я самъ.

II.

РОБРОДИЛЪ всю
ночь... А знаете ли
вы, читатель, какъ
дивно - обаятельна
сѣверная лѣтняя
ночь, эта ночь безъ
мрака и звѣздъ—
ночь, въ которой
одна заря встрѣ-
чается съ другою?

Лежишь на берегу рѣки и съ тихимъ насла-
жденіемъ смотришь на небо, высоко распростертое
надъ головою, все болѣе и болѣе свѣтлѣющее, на
легко-прозрачныя облака, которыя, по выраженію
поэта, бѣгутъ „Богъ вѣсть куда и откуда“. Ши-
рокая полоса рѣки какъ-будто освѣщается изъ
своей глубины.—такъ прозрачно свѣтлы стано-
вятся ея воды. Спокойная поверхность гладка,
какъ зеркало: ни ряби, ни едва замѣтнаго вол-
ненія. Но вотъ подулъ вѣтерокъ, сильнѣе и силь-
нѣе, и зарябилось водное зеркало. Чу! какое-то
движеніе, какіе-то звуки слышатся въ воздухѣ...
Это высоко надъ головою тянется вереница пере-
летныхъ гусей. И тутъ же, распустивъ широкія
крылья, разжавъ острые когти, зорко вперивъ

глаза въ намѣченную добычу, повисъ въ воздухѣ орелъ, царь пернатога міра. Закачался густой, темный лѣсъ, зашептались его мощные великаны,

отряхивая съ вѣтвей своихъ блестящія капли росы. Вотъ гдѣ-то подала голосъ птичка, ей отозвалась другая, третья... и все начинаетъ оживать, все зашевелилось, готовое радостно встрѣтить яркое утреннее солнце, которое, того и гляди, покажется

изъ-за зубчатаго края лѣснаго горизонта. Хороша, дивно хороша сѣверная лѣтняя ночь!

Я провелъ ее подъ открытымъ небомъ, бродя по окрестностямъ деревни, по берегу рѣки, вдыхая воздухъ полей и луговъ.

Усталый, возвращался я домой лѣскомъ, состоящимъ по большей части изъ сосенъ—небольшихъ, приземистыхъ, съ раскидистыми верхушками. Подъемъ мѣстами былъ крутъ; приходилось идти въ гору. Я возвращался домой по другой дорогѣ. Давно, много лѣтъ назадъ, можетъ статься, я и былъ здѣсь; но теперь не могъ узнать мѣстности и даже раздумывалъ о томъ—выйду или проплутаю.

Я продолжалъ идти.

И вдругъ группа сосенъ раздалась: я вышелъ на небольшую площадку... Вышелъ и замеръ отъ восхищенія. Дивный, не поддающійся описанію пейзажъ развернулся передо мною. Подъ ногами, подъ крутымъ обрывомъ,—круглое зеркальное озеро. Сосны, кустарникъ и береговая песчаная отсыпь опрокинулись черезъ отраженіе въ тихую гладь водъ, а затѣмъ опять вокругъ темное море безконечнаго лѣса, сливающегося непрерывною массою съ горизонтомъ.

— Какъ хорошо, какъ хорошо!—невольно шепталъ я, стоя на одномъ мѣстѣ.

Кругомъ тишь.

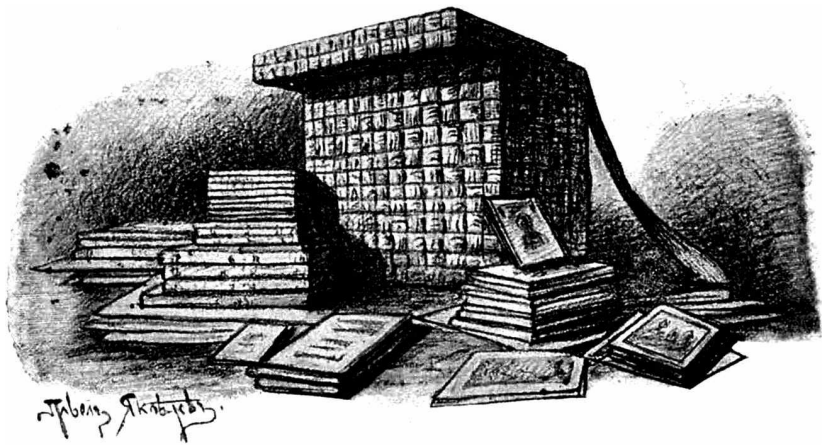
Вдругъ невдалекѣ раздались тихіе, глухіе звуки человѣческаго голоса. Кто-то пѣлъ дребезжащимъ, старческимъ голосомъ.

Я рѣшился идти на голосъ.

Я сталъ спускаться съ берегового обрыва, спустился къ самому заплесу воды и пошелъ по песчаной отмели, узкой полосой тянувшейся подъ береговою кручею. Скоро мнѣ пришлось поды-

маться опять на береговую окраину, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ она нѣсколько понижается. Но тутъ я скоро попалъ уже на тропу, широко пробитую по береговому откосу.

Голосъ дѣлался все явственнѣе и слышнѣе,—я приближался къ нему. Я вслушался—это были слова какого-то тропаря. Тропа извивалась между кустарниками вересняка; я повернулъ назадъ и чуть не наткнулся на человѣка, сидѣвшаго на землѣ возлѣ самаго куста.

III.

ИДЪВШИЙ былъ уже старецъ, лѣтъ шестидесяти слишкомъ, убѣленный сѣдинами, совсѣмъ сгорбленный. Продолговатое лицо казалось еще худѣе отъ длинной, бѣлой, съ нѣкото-рою желтизною, словно кудельной,

бороды. Щеки впалыя, и отъ недостатка зубовъ подбородокъ стремится соединиться съ длиннымъ носомъ. Кожа лица желтая и сухая, словно пергаментъ, изборождена цѣлою системою разнообразныхъ морщинъ и морщинокъ. Черепъ былъ совершенно обнаженъ и лишь окаймленъ жидкою бахромою сѣдыхъ волосъ; только одни живые каріе глаза подъ нависшими сѣдыми бровями свидѣтельствовали о присутствіи силы и энергіи въ этомъ обветшаломъ организмѣ.

Старикъ былъ одѣтъ въ самодѣльный сѣрый нанковый зипунишко, который отъ долгаго времени поружѣлъ и засалился. Тація была совсѣмъ не на мѣстѣ: вслѣдствіе сильной сутуловатости